

«ВАРЯГ» ОПЯТЬ ПОД ОГНЕМ

К 100-ЛЕТИЮ ГЕРОИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ КРЕЙСЕРА

27 января 1904 года (по старому стилю), в первый день Русско-японской войны, крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» вступили в неравный бой с целой эскадрой противника. Корабли погибли, но не сдались. Воспитанные на вековых традициях русской воинской доблести, моряки «Варяга» и «Корейца» вписали новую страницу славы отечественного флота, поддержав, как этого требовал Морской устав, «честь русского имени и достоинство русского флага».

«Варяг» и «Кореец» идут в бой. Залив Чемульпо, 9 февраля 1904 г. (фото из Государственного архива кинофотодокументов).

Героический бой «Варяга» и исключительный драматизм предшествующих событий не перестают волновать и сегодня. Подумаем хотя бы о положении командира В. Руднева, ответственного за судьбу своих кораблей и охрану русской миссии в Сеуле. Ощущение нарастающей военной угрозы, отсутствие какой-либо связи с командованием, наглость врага, оккупированного нейтрального порта, и вынужденное бездействие русских кораблей ввиду строжайшего приказа «не мешать и не уходить» — далеко не полный перечень проблем, с которыми пришлось столкнуться Рудневу.

Сто лет отделяет нас от тех героических дней. Многие перемены произошли в судьбе нашей Родины, но подвиг моряков живет в душе народа, в его песнях. Однако век спустя находятся люди, которые пытаются испоганить славные страницы нашей истории. Было бы не так обидно, если бы это делали штатные очернители, их позицию — смесь агрессивного невежества и политического холуяжа — в народе хорошо знают. Но грустно слышать, как в этот хор вплетается голос военно-морского историка, доктора исторических наук, капитана 1 ранга В. Доценко. Виталий Дмитриевич — автор многих печатных работ. И вот в книге «Мифы и легенды Российского флота» он решил развенчать подвиг крейсера «Варяг» и лодки «Кореец».

«Занимаясь много лет военно-морской историей, постоянно изучая архивные материалы, я пришел к одному заключению, — пишет автор, — что в отечественной истории, военно-морской литературе существовали (и существуют до сих пор!) устоявшиеся стереотипы в описании (или определении) тех или иных событий... В пылу повествований писатели приукрашивали подвиги, добавляя что-то свое». Далее он заявляет, что никакого подвига экипажи крейсера «Варяг» и лодки «Кореец» не совершали, а многое из ранее написанного — неправда.

К примеру, историк задается вопросом, почему командир «Варяга» В. Руднев, получивший за бой орден Святого Георгия четвертой степени и звание флигель-адъютанта, вскоре оказался в отставке и доживал свой век в родном имении в Тульской губернии. Мол, это свидетельствует, что никакого героизма моряки и командиры не совершали, все это вымысел самого В. Руднева и вышестоящих царских начальников. Ученого не смущает, что история знает немало случаев унижения людей, верно служивших Отечеству. Вспомнить хотя бы генералиссимуса А. Суворова, адмирала флота Советского Союза Н. Кузнецова, Маршала Советского Союза Г. Жукова и других. Причина одна — так угодно было властям предрежащим.

Дошедшие до нас воспоминания участников сражения, очевидцев, историков ставятся автором «Мифов...» под сомнение. Ссылаясь на японские источники, В. Доценко утверждает, что в бою при Чемульпо их корабли остались невредимыми.

...27 января 1904 года в 7.30 командиры английского, итальянского, французского, американского стационаров получили уведомление от японского адмирала Уриу о предстоящем его нападении на русские корабли, в связи с чем иностранцам предлагалось удалиться от места сражения на безопасное расстояние. Узнав об ультиматуме от французского командира, Руднев собрал в кают-компании офицеров и объявил, что крейсеру предстоит вступить в бой с неприятельской эскадрой. Общим решением было — сражаться, чтобы не посрамить честь Андреевского флага, а в случае утраты крейсером боеспособности — взорвать его.

Распределив обязанности, подняв пары в котлах, закончив развертывание перевязочных пунктов и подготовив к

взрыву зарядные отделения торпед, все были готовы вступить в смертельный бой. На «Корейце», носившем еще громоздкий парусный рангоут, спускали и выбрасывали за борт демаскирующие высокие стенки, пожароопасные деревянные трапы, входные рубки, светлые люки — словом, все то, что могло гореть. Это доказывает, что к бою готовились всерьез, не подозревая, что век спустя их судьба станет разменной монетой в чьей-то конъюнктурной игре.

Автор «Мифов...» пишет, будто истинные события в исторической литературе советского периода искажены до неузнаваемости. Мол, это объяснялось засильем сталинского режима с его цензурой и массовыми репрессиями.

...В тот день обед на корабле прошел раньше обычного. Построив личный состав, Руднев сообщил о японском ультиматуме. Он, в частности, сказал: «Безусловно, мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она

сильна ни была. Никаких вопросов о сдаче не может быть — мы не сдадим крейсер и самих себя, будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови. Исполняйте каждый свои обязанности точно, спокойно, не торопясь. Особенно комендоры, помня, что каждый выстрел должен нанести вред неприятелю. В случае пожара тушить его без огласки, давая мне знать». Дружное «ура» было ответом на речь командира.

То же самое происходило на лодке «Кореец». На обоих кораблях больные из лазарета добровольно становились в строй, включая вольнонаемных, музыкантов, буфетчиков и коков. Они не пожелали отстать от товарищей, хотя им было предложено сойти на берег и укрыться в консульстве. «С благоговением вспоминаю, — писал позднее врач корабля М. Банщиков, — незабвенную картину общего громадного подъема духа. Казалось, нет преграды этим преобразившимся людям».

Под звуки гимна «Варяг» и «Кореец» снялись с якоря. Командиры французского, итальянского и английского стационаров, построенные во фронт и стоящие повахтенно на своих кораблях, отдавали дань мужеству русских моряков. «Мы салютовали этим героям, шедшим так гордо на верную смерть», — писал потом в донесении своему адмиралу командир французского корабля. В ответ на «Варяге» играли национальные гимны стран, которые представляли провожающие их моряки.

Если следовать изречению «много врагов — много чести», то японцы оказали русским морякам исключительную честь: против легкого крейсера и устаревшей лодки они выставили три тактических соединения своего флота. Артиллерия всей японской эскадры в минуту выпускала в 9,1 раза больше металла, чем русские корабли, а по массе взрывного вещества превосходила их в 36 раз. Один вид этой армады мог бы парализовать волю к сопротивлению. Японский адмирал и не сомневался, что русские сдадутся без боя,

считая их положение безысходным. Но «Варяг» даже не ответил на его сигнал с предложением сдаться. Вместо этого на стенах и гафеле взвились белые с голубым крестом Андреевские флаги, которые, согласно Морскому уставу, поднимались «в виду неприятеля».

Автора «Мифов и легенд...» смущает то, что бой длился около часа. Мол, мало времени для настоящего (?) подвига. Но любой человек, кто проходил военную науку не в кабинетах, знает, чего стоит в бою хотя бы одна минута. Одним из первых японских снарядов был разрушен верхний носовой мостик. Возник пожар в штурманской рубке. Были убиты определяющий расстояние младший штурман А. Нерод, горнист Н. Нагле, барабанщик Д. Корнеев, сигнальщик Г. Мионов и другие. После боя от мичмана А. Нерода нашли лишь одну руку с остатками дальномера. Тяжелораненый мичман П. Губонин, отказавшись идти на перевязку, продолжал руководить огнем оставшихся орудий. Борьбой с пожаром руководил мичман Н. Черниловский — сокол-ревизор корабля. Решительный и смелый действовал минер П. Козлов, кочегар Н. Очевников, машинист М. Иванов, которые, несмотря на сильные ожоги и ранения, оставались в строю. До сотни осколков насчитывали врачи у матросов, поступавших на перевязку. Сам командир крейсера также получил тяжелое ранение. Всего в этом неравном бою были убиты один мичман и 38 матросов (есть данные, что погибли 122 чел.), ранены 3 офицера и 70 матросов. Как отмечал германский военный историк капитан-лейтенант Ревентлов, русский моряк «умеет сражаться до конца, и пока в состоянии двигаться, исполняет свои обязанности».

Отлично действовал в бою и «Кореец» под командованием Г. Беляева. Держась на расстоянии 200-250 метров от крейсера и маневрируя в меру скорострельности своих старых орудий, он посылал на «Асаму» и «Такачихо» 88-килограммовые фугасные снаряды. Около острова Иодольми лодка подби-

ла японский миноносец, который затонул, а два японских крейсера получили повреждения.

Командир «Варяга» прямо на верхней палубе собрал военный совет. Он был недолгим: все понимали, что на боевых постах — невосполнимая убыль, а повреждения корабля и орудий таковы, что продолжение боя приведет к бессмысленной гибели оставшихся людей. Поэтому было принято решение корабли уничтожить, а оставшихся в живых разместить на иностранных судах...

Подвиг «Варяга» и «Корейца» волновал многие поколения как в нашей стране, так и во всем мире. Эти чувства прекрасно передал немецкий поэт Р. Грейц в стихотворении, которое уже в марте 1904 года в переводе Е. Студенской стало известно далеко за пределами России: «Наверх вы, товарищи, все по местам...». Членов экипажа встречали с большими почестями в Одессе, Севастополе, Москве, Санкт-Петербурге и в других городах по ходу следования поезда из Севастополя в столицу. 6 апреля 1904 года на пароходе «Кримэ» в Одессу прибыла третья, последняя, группа варяговцев с командирами В. Рудневым и Г. Беляевым. В Москве, на Курском вокзале, их встречали с оркестром. Командирам и офицерам — Рудневу, Беляеву, Зарубаеву, Степанову и Банщикову — преподнесли лавровые венки. В Санкт-Петербурге царь Николай II на приеме в честь героев сказал: «Многие из вас своей кровью занесли в летопись нашего флота дело, достойное подвигов ваших дедов и отцов...» Офицеры были награждены орденами, а низшие чины — Георгиевскими крестами и наборами серебряной посуды.

Выполняя последнюю волю героев Чемульпо, русское правительство в 1911 году перезахоронило прах павших моряков на Морском кладбище города Владивостока. По ходу следования траурного кортежа с останками погибших корейцы осыпали платформу живыми цветами. Летом 1912 года на братской могиле во Владивостоке был установлен обелиск с именами погибших. А 50 моряков, оставшихся в живых, уже в советское время были удостоены медали «За отвагу». Даже в Японии соорудили памятник со словами: «Здесь покоятся останки русских героев, павших, защищая Порт-Артур». И еще: «Воздвигнут японским народом в 1907 году».

Но автору «Мифов и легенд...» не дает покоя мысль, «за какие заслуги так щедро наградили всех без исключения, при том, отдельных — дважды». Ответ прост, пишет Доценко. Мол, подвиг варяговцев организовал царский генералитет, а в трагедии виноват сам командир В. Руднев, так как «из чувства ложного товарищества» отказался от прорыва из Чемульпо. Надо было, дескать, бросить экипаж тихоходного «Корейца», а самому «Варягу», развивавшему скорость 23 узла, уйти.

Что тут скажешь? За два последних десятилетия нашему военному флоту нанесен огромный урон — как материальный, так и моральный. Но никто не в силах лишить его славы, добытой поколениями отважных моряков Отечества: командиров подводных лодок А. Маринеско, В. Щедрина, экипажа АПЛ «К-19», «Комсомолец». Даже на трагедии «Курска» пытались сколотить себе политический капитал люди, прямо повинные в сегодняшнем плачевном положении флота — в том, что он сокращен по численности и по количеству кораблей почти в шесть раз, что наши корабли ржавеют у причалов, а два авианосца — «Минск» и «Новороссийск», прослужившие менее двух десятков лет, — проданы за бесценок за границу, где на одном из них устроили бордель. Из-за отсутствия денег авиация ВМФ представлена самолетами, которые служат 30 и более лет. Могли ли предки предположить, что через 100 лет флот России будет снова уничтожен, как в Цусимском бою?

В книге В. Доценко действительно одни мифы и легенды. Они бьют по своим. В первую очередь — по молодым, кто еще не знает биографии своей страны, традиций своего народа. Но история всем в конце концов воздает по справедливости: «кому — позор, кому — бесславье, а кому — бессмертие». И таких гробокопателей, как В. Доценко, кроме 30 серебряных конюсаров, ждет лишь одно — презрение соотечественников.

Василий ПОПОВИЧ,
контр-адмирал,
кандидат исторических наук